

УДК 343.36(045)

*Л.А. Кротова, Р.Х. Шаутаева***ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ:
ПЕРВЫЙ ОПЫТ ОБОБЩЕНИЯ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ**

Рассматриваются разъяснения, данные Верховным Судом Российской Федерации, конструктивным признакам составов преступлений, предусмотренных ст. 301, 302, 303, 306, 307 УК РФ. Отмечается, что правовую основу толкования объективной стороны указанных преступлений составляют положения Уголовно-процессуального кодекса РФ, Гражданского процессуального кодекса РФ, Кодекса административного судопроизводства РФ, других федеральных законов. Это касается соблюдения оснований, условий и порядка применения мер процессуального принуждения, порядка собирания, проверки, оценки доказательств, полномочий участников судопроизводства.

Предложено толкование объективных признаков незаконного задержания, заключения под стражу или содержания под стражей (ст. 301 УК РФ); фальсификации доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности (ст. 303 УК); угроз, шантажа или иных незаконных действий как способов принуждения к даче показаний. Кроме того, применительно к преступлениям, предусмотренным ст. 301 и 303 УК РФ, дано официальное разъяснение тяжких последствий как квалифицирующего признака.

Впервые в судебной практике определен круг субъектов незаконного задержания. Даны рекомендации относительно квалификации преступлений против правосудия по правилам совокупности преступлений; получили разъяснения иные вопросы применения указанных уголовно-правовых норм.

Ключевые слова: преступления против правосудия, незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей; принуждение к даче показаний; фальсификация доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности; заведомо ложный донос; заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод; позиции Верховного Суда Российской Федерации, основания ответственности, правила квалификации.

DOI: 10.35634/2412-9593-2023-33-3-508-515

28 июня 2022 г. Пленум Верховного Суда РФ принял постановление № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия», в котором на основе обобщения судебной практики впервые даны официальные разъяснения относительно применения уголовного законодательства о некоторых преступлениях против правосудия (ст. 301, 302, 303, 306 и 307 УК РФ). Тем самым подчеркнута значимость уголовно-правовых гарантий функционирования судебной власти, равно как и необходимость повышения эффективности судебной защиты прав и свобод граждан как одного из основополагающих конституционных положений (ст. 46 Конституции РФ).

Мнения, высказанные в процессе обсуждения проекта постановления представителями научного сообщества и практикующими юристами, не отличаются разнообразием содержания. Было отмечено, что рассматриваемый проект «носит, в целом, уточняющий характер и является обобщением судебной практики» [1], «Верховный Суд разъяснил основные вопросы квалификации ряда преступлений против правосудия без каких-либо значимых новаций» (Там же), «половина комментируемого документа посвящена разъяснению «мертвых» норм» и т. д. (Там же)¹. Однако подобная оценка содержания и значения постановления представляется неоправданно категоричной. Безусловно, его принятие является результатом обобщения судебной практики и вряд ли может быть чем-то иным. Бланкетный способ выражения объективных признаков преступлений главы 31 УК РФ во много обуславливает предсказуемость правовых позиций Верховного Суда РФ, как, впрочем, и суждений, ранее высказанных в науке.

¹ Действительно, как свидетельствует судебная статистика, с 2018 по 2022 (первое полугодие) по ч. 1, 2 ст. 301, ч. 1, 2 ст. 302 УК РФ не было осуждено ни одного лица, и лишь одно – по ч. 3 ст. 302 УК РФ. Что касается количества осужденных по ст. 303, 306, 307 УК РФ, то, несмотря на определенную позитивную динамику, тем не менее, совершение таких деяний как фальсификация доказательств, заведомо ложный донос, заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод существенным образом влияют на уровень правовой защищенности граждан, что и принял во внимание Верховный Суд РФ. // Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации. Форма №10-а / Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России (2018–2022 (1 полугодие)) // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.

Но, помимо этого, были обсуждены вопросы, относительно которых в доктрине уголовного права нет однозначного подхода.

Изучение постановления Пленума позволяет выделить несколько значимых, с нашей точки зрения, моментов. Во-первых, даны достаточно подробные разъяснения признакам объективной стороны преступлений против правосудия, необходимость которых обусловлена бланкетным характером диспозиций (деянию – ч. 1 ст. 301, ч. 1, 2, 4 ст. 303, 306, 307 УК РФ; способам – ч. 1 ст. 302 УК РФ; последствиям – ч. 3 ст. 301, ч. 3 ст. 303 УК РФ). Отдельно следует отметить пояснение момента окончания составов преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 301, 302, 307 УК РФ.

Во-вторых, значительное внимание уделено субъектам преступлений, предусмотренных ст. 301, 302 и 303 УК РФ. Согласно п. 18 постановления при применении указанных статей надлежит воспользоваться расширительным толкованием понятия должностного лица. Таковым является не только лицо, которое назначено на соответствующую должность в предусмотренном законом порядке и отвечающее установленным требованиям, но и тот, кто приобрел определенный статус с нарушением соответствующих требований и ограничений. Тем самым преодолена имеющая место правовая неопределённость в понимании должностного лица применительно к рассматриваемым преступлениям против правосудия.

Кроме того, в пунктах 2, 4 постановления в контексте с конкретными полномочиями перечислены субъекты преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 301 УК РФ, что дает возможность с иных позиций рассмотреть вопросы конкуренции ч. 2 ст. 301 и ст. 305 УК РФ.

В-третьих, обращено внимание на случаи наличия в содеянном конкретными лицами совокупности преступлений против правосудия и даны рекомендации относительно их квалификации (п. 16, 22, 24 постановления).

Далее на некоторых из указанных выше положениях остановимся более подробно.

В постановлении Пленума подчеркивается необходимость при определении наличия в содеянном признаков объективной стороны преступлений против правосудия обращаться к положениям федеральных законов: Уголовно-процессуальному кодексу РФ, Гражданскому процессуальному кодексу РФ, Кодексу административного судопроизводства РФ, других федеральных законов. Это касается соблюдения оснований, условий и порядка применения мер процессуального принуждения, порядка собирания, проверки, оценки доказательств, полномочий участников судопроизводства.

Относительно заведомо незаконного задержания, ответственность за которое предусмотрена в ч. 1 ст. 301 УК РФ, отмечается, что соответствующее **поведение** возможно в двух формах – действия и бездействия. Под активными действиями «следует понимать умышленные действия, направленные на незаконное задержание подозреваемого при отсутствии предусмотренных ст. 91 УПК РФ оснований и обязательных условий», в том числе, «при отсутствии вынесенного органом дознания, дознавателем, следователем или руководителем следственного органа в соответствии с требованиями статьи 146 УПК РФ постановления о возбуждении уголовного дела»².

Бездействие может выражаться в умышленном непринятии уполномоченным должностным лицом установленных законом мер к освобождению лица, задержанного по подозрению в совершении преступления, «несмотря на заведомое возникновение оснований для освобождения, предусмотренных частями 1–3 статьи 94 УПК РФ»³.

Официально дано разъяснение момента окончания преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 301 УК РФ, которое также следует определять с учетом юридической формы деяния. Таким образом, преступление считается оконченным:

- 1) когда лицо, в отношении которого применена мера процессуального принуждения в виде задержания подозреваемого, незаконно лишается свободы передвижения;
- 2) когда лицо продолжает незаконно содержаться в качестве задержанного по подозрению в совершении преступления (п. 5 постановления).

Позиция Верховного Суда РФ основывается на положениях уголовно-процессуального законодательства (п. 15 ст. 5 УПК РФ) и отражает сложившуюся правоприменительную практику. Соответственно, и высказанные ранее в науке уголовного права суждения по данному вопросу, в целом, мало чем отличаются от рассматриваемого судебного разъяснения. Особенность доктринального толкова-

² Пункты 2, 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 20 от 28 июня 2022 г.

³ Там же, пункты 2, 4.

ния состоит, скорее всего, в казуальном его характере, то есть приведенный выше общий подход, сформулированный в настоящее время в постановлении Пленума, конкретизировался применительно к определенным ситуациям. Так, по мнению ряда ученых, «преступление будет **окончено**:

– в случае совершения задержания без достаточных к тому оснований – с момента фактического задержания (п. 15 ст. 5 УПК РФ);

– в случае производства задержания при наличии законных оснований, но при нарушении порядка, предусмотренного ст. 92 УПК РФ, – спустя 3 часа после фактического доставления подозреваемого в орган дознания, следователю или прокурору;

– в случае, когда подозреваемому не была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, либо суд не отложил окончательное принятие решения в порядке, установленном п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ, преступление считается оконченным через 48 часов с момента фактического задержания» [2, с.144–145; 3]. В то же время была высказана и иная точка зрения, согласно которой преступление, предусмотренное ч. 1 и ч. 2 ст. 301 УК РФ, «признается **оконченным** с момента вынесения соответствующих процессуальных решений» [4]. Надо полагать, что ее сторонники принимают во внимание, во-первых, п. 29 ст. 5 УПК РФ, где дано легальное понятие применению меры пресечения, а именно: «процессуальные действия, осуществляемые с момента принятия решения об избрании меры пресечения до ее отмены или изменения».

И, во-вторых, обращаются к правовой позиции Конституционного Суда РФ, представленной в п. 5 постановления от 3 мая 1995 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. А. Аветяна», где определено, что даже само **вынесение** постановления об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу «всегда ущемляет право на свободу и личную неприкосновенность независимо от того, исполнено или не исполнено это решение. Не только реальные ограничения, но и выявившаяся их опасность, прежде всего угроза потерять свободу, нарушают неприкосновенность личности, в том числе психическую, оказывают давление на сознание и поступки человека».

Однако следует иметь в виду, что в постановлении Конституционного Суда РФ от 3 мая 1995 г. № 4-П рассматриваются вопросы неопределенности правовых норм, содержащихся в статьях УПК РСФСР и имеющих отношение к заключению под стражу как мере пресечения. Вряд ли допустимо расширительное толкование позиции Конституционного Суда РФ, ее распространение на практику применения иных мер процессуального принуждения, что и имеет место в приведенном выше доктринальном источнике. Кстати, и Верховный Суд РФ счел необходимым разъяснить данный вопрос лишь относительно момента окончания преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 301 УК РФ (заведомо незаконное задержание).

В постановлении Пленума впервые официально определен круг субъектов незаконного задержания. В их числе названы дознаватель, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, следователь, руководитель следственного органа, начальник места содержания подозреваемого, прокурор (п. 4 постановления). Указанные лица подлежат ответственности по ч. 1 ст. 301 УК РФ в случаях как заведомо незаконного применения заключения под стражу, так и в умышленном непринятии в пределах их компетенции мер по освобождению задержанных. В то же время, процессуальный порядок задержания подозреваемого не исключает и участие судьи, полномочного продлевать срок содержания под стражей на основании п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ. В доктрине уголовного права действия судьи в случае заведомо незаконного продления срока задержания предлагается квалифицировать по ст. 305 УК РФ [2, с.145; 3; 4].

Следовательно, указанный Верховным Судом РФ в рассматриваемом постановлении круг субъектов ответственности по ч. 1 ст. 301 УК РФ означает, хотя и не прямое, но все же признание приемлемости именно такой правоприменительной практики.

Однако ряд ученых считают, что субъектом заведомо незаконного заключения под стражу или содержания под стражей может быть только судья, принявший такое решение, о чем, по их мнению, свидетельствуют единичные примеры судебной практики [5]. Иные должностные лица в случае вынесения заведомо незаконного постановления о возбуждении перед судом ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу, подлежат уголовной ответственности по ст. 285 УК РФ [2, с. 148; 6, с. 65; 7, с. 94].

Другие полагают, что субъектами преступления выступают «судья, следователь, лицо, производящее дознание, руководитель следственного органа, начальник органа дознания, прокурор, начальник

места содержания под стражей (ч. 2)» [3; 7, с. 53]. Случаи же совершения рассматриваемых заведомо незаконных действий судьей предлагается рассматривать с позиции конкуренции уголовно-правовых норм (общей – ст. 305 и специальной – ч. 2 ст. 301 УК РФ), разрешаемой на основе ч. 3 ст. 17 УК РФ в пользу специальной [8, с. 53].

Имеет место и более радикальная позиция, согласно которой данный состав преступления является «историческим реликтом». Наличие в статье 301 УК РФ части второй, по мнению его сторонников, было оправдано, пока Федеральным законом от 29 мая 2002 г. № 59-ФЗ не был предусмотрен судебный порядок применения меры пресечения в виде заключения под стражу. Таким образом, «лица, которые могли быть исполнителями преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 301 УК РФ (в части заведомо незаконного заключения под стражу), ныне таковыми не являются, исполнять объективную сторону рассматриваемого состава преступления не в состоянии» [9, с. 214].

Что же касается уголовно-правовой оценки действий уполномоченных должностных лиц, которые в соучастии с судьей либо без такового подготовили и направили в суд документы, служащие основанием для незаконного избрания в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу (незаконного продления срока содержания под стражей), они, по мнению А.Е. Амосова, «полностью охватываются в зависимости от ситуации ст. 292 или ст. 299 УК, либо могут квалифицироваться с учетом ч. 4 ст. 34 УК как соучастие в совершении преступления, предусмотренного ст. 305 УК» [9, с. 216]. Действия судьи, вынесшего указанные выше решения (в том числе и решение о незаконном продлении срока задержания в порядке, установленном п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ) без сговора с указанными должностными лицами, подлежат квалификации по ст. 305 УК РФ.

Первоначально авторы Проекта рассматриваемого постановления (п. 4) предлагали «по части 2 статьи 301 УК РФ как заведомо незаконные заключение под стражу или содержание под стражей» квалифицировать «умышленные действия судьи, принявшего решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или о продлении срока содержания под стражей» [10].

В ходе обсуждения Проекта положения п. 4 и 5 получили определенную позитивную оценку и поддержку. По мнению ряда авторов, такой подход «обоснованно разрешает конкуренцию между ст. 301 и 305 УК РФ в пользу первой нормы» [1]. Но из окончательной версии постановления пункт о квалификации действий судьи, принявшего заведомо незаконное решение о заключении под стражу или о продлении срока содержания под стражей, был исключен. Полагаем, что неслучайно. Как ранее было отмечено, определенный Верховным Судом РФ круг субъектов ответственности по ч. 1 ст. 301 УК РФ позволяет иным образом определиться с субъектами преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 301 УК РФ.

Постановление об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу или содержания под стражей, постановление о продлении срока задержания в равной мере выступают разновидностями судебного акта как предмета преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ. Если же судья, вынесший постановление о заведомо незаконном продлении срока задержания в порядке, установленном п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ, подлежит ответственности по ст. 305 УК РФ, на каком основании можно утверждать, что заведомо незаконное заключение под стражу или содержание под стражей следует квалифицировать по ч. 2 ст. 301 УК, а не по ст. 305 УК РФ? В чем принципиальное отличие указанных судебных актов, предполагающих необходимость дифференциации уголовной ответственности в случае вынесения соответствующих неправосудных решений? Тем более, оба постановления указаны в ч. 7 ст. 108 УПК РФ как имеющие тождественную правовую природу.

Таким образом, представляется, что разъяснения, касающиеся круга субъектов ч. 1 ст. 301 УК РФ (п. 3 и 4 постановления), могут быть положены в основу теоретического обоснования формирования единообразной судебной практики в части уголовной ответственности за заведомо незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей.

Представляет интерес официальное толкование «тяжких последствий» как квалифицирующего признака, предусмотренного соответственно ч. 2 ст. 301 и ч. 3 ст. 303 УК РФ.

Применительно к ч. 2 ст. 301 УК РФ под тяжкими последствиями предлагается понимать, «в частности, состоящие в причинной связи с заведомо незаконным задержанием причинение по неосторожности смерти потерпевшему, самоубийство или попытку самоубийства потерпевшего, наступление у него тяжелого заболевания, причинение потерпевшему крупного материального ущерба, в том числе

в связи с утратой принадлежавшего ему имущества или права на такое имущество»⁴. Не отрицая практическую необходимость конкретизации тяжких последствий применительно к указанному составу преступления, тем не менее, вызывает серьезные сомнения возможность рассматривать «причинение потерпевшему крупного материального ущерба» в качестве одного из его вариантов.

Во многих составах преступлений «крупный ущерб» (размер, доход и т. д.), «особо крупный ущерб» (размер, доход и т. д.) предусмотрены в качестве конструктивных признаков. Их пределы четко определены в примечаниях к соответствующим статьям Уголовного кодекса РФ. Особенно показательна в этом отношении законодательная практика в сфере криминализации незаконной экономической деятельности (глава 22 УК РФ), но и ст. 299 УК РФ содержит примечание, согласно которому крупным ущербом в настоящей статье признается ущерб в сумме, превышающей один миллион пятьсот тысяч рублей.

Таким образом, в анализируемых составах преступлений содержание рассматриваемых признаков представлено, как правило, в виде конкретных сумм, что исключает проявление субъективизма при квалификации соответствующих деяний. Каким же образом надлежит определять наличие именно **крупного материального ущерба** применительно к заведомо незаконному задержанию, заключению под стражу или содержанию под стражей? Рассматривать данное понятие как оценочное, определяемое на основе совокупности конкретных обстоятельств? Такой подход вряд ли соответствует букве закона, сложившейся законодательной практике и в целом внутренней логике уголовного закона. Тем более, вряд ли добавит определенности в понимание правоприменителем существа данного квалифицирующего признака.

Что касается состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 303 УК РФ (фальсификация доказательств по уголовному делу), под тяжкими последствиями рекомендуется понимать, в частности, «причинение **значимого** для индивидуального предпринимателя либо коммерческой организации **материального ущерба**, влекущего прекращение осуществляемой ими предпринимательской деятельности, либо доведение индивидуального предпринимателя или соответствующей организации до состояния неплатежеспособности по имеющимся обязательствам»⁵.

Представляется, что основой рекомендации рассматривать в рамках данного состава преступления в качестве тяжкого последствия прекращение предпринимательской деятельности является ч. 3 ст. 299 УК РФ, субъектом которой является лицо, занимающееся предпринимательской деятельностью. Принимая во внимание данный конструктивный признак однородного по отношению к ст. 303 УК РФ состава преступления, «прекращение предпринимательской деятельности» также предлагается учитывать в качестве одного из тяжких последствий фальсификации доказательств.

В связи с этим возникает вопрос: почему конкретизацию содержания «**значимого материального ущерба**», как варианта тяжкого последствия, согласно ч. 3 ст. 303 УК РФ, Верховный Суд РФ связывает лишь с определенным статусом потерпевшего (индивидуальный предприниматель либо коммерческая организация), в то время как в качестве данного участника уголовного судопроизводства по ч. 3 ст. 303 УК РФ может быть признано любое физическое лицо, которому причинен, в том числе, и имущественный вред (ст. 42 УПК РФ)? Кроме того, нельзя исключить, что и потерпевший от преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 301 УК РФ, также является индивидуальным предпринимателем, и он в результате заведомо незаконных задержания, заключения под стражу либо содержания под стражей может быть доведен до состояния неплатежеспособности.

Принимая во внимание обозначенную в рассматриваемом постановлении цель, а именно: «обеспечения единообразного применения законодательства об уголовной ответственности за преступления против правосудия, предусмотренные статьями 301–303, 306, 307 Уголовного кодекса Российской Федерации», в рамках данной главы УК более целесообразным и практически значимым было бы иметь единое толкование такого конструктивного признака, как «тяжкие последствия». И в качестве первого шага по пути унификации правоприменительной практики в этом направлении, представляется замена в п. 6 постановления слов «причинение потерпевшему **крупного материального ущерба**» на «причинение потерпевшему **значимого материального ущерба**»⁶.

Разъяснения признаков объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 303 УК РФ, даны с учетом статуса субъекта и особенностей доказывания в различных видах судопроизводства.

⁴ Пункт 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 20 от 28 июня 2022 г.

⁵ Пункт 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 20 от 28 июня 2022 г.

⁶ В данной статье не обсуждается вопрос о целесообразности разъяснения одного оценочного признака преступления с помощью введения в правоприменительную практику другого оценочного понятия.

Тем самым Верховный Суд РФ на основе указанных выше критериев фактически систематизировал и логически упорядочил содержание данной уголовно-правовой нормы.

Во-первых, согласно п. 12 постановления, к ним относятся субъекты, осуществляющие процессуальную деятельность в рамках административного и уголовного судопроизводства:

– должностные лица, уполномоченные составлять протоколы об административных правонарушениях, или уполномоченные рассматривать дела об административных правонарушениях:

- лица, производящие дознание;
- следователи.

Данная группа субъектов характеризуется наличием **властных полномочий**, что и определяет особенности объективных признаков совершаемого ими преступления, которые состоят, в частности, в следующих умышленных действиях:

- 1) приобщение к делу в качестве доказательств заведомо поддельных предметов и документов;
- 2) внесение в процессуальные акты, являющиеся источниками доказательств по таким делам, заведомо ложных сведений;
- 3) подделка ранее приобщенных к делу вещественных доказательств и документов.

Представляется практически значимой позиция высшего судебного органа в части правовой оценки умышленных действий «уполномоченных должностных лиц по уничтожению и (или) сокрытию приобщенных или подлежащих приобщению к делу об административном правонарушении или к уголовному делу предметов и документов, которые содержат сведения, имеющие доказательственное значение»⁷, как не образующих состава фальсификации доказательств. Данные действия предлагается квалифицировать по соответствующей статье главы 30 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Таким образом, предшествующая казуальная практика Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, в соответствии с которой под фальсификацией доказательств надлежало понимать «искусственное создание или уничтожение доказательств в пользу обвиняемого или потерпевшего» [11, с. 18], в том числе и «сокрытие улики» [11, с. 18], стала фактом истории развития отечественного уголовного законодательства и практики его применения.

Во-вторых, согласно п. 13 постановления, к субъектам фальсификации доказательств относятся:

- участники производства по делу об административном правонарушении (их представитель);
- лица, участвующие в рассмотрении судом гражданского, административного дела (их представители), в том числе по делам, отнесенным к компетенции арбитражных судов;
- прокурор или защитник по уголовному делу.

Данная группа субъектов не наделена властными полномочиями. Как правило, это лица, имеющие собственный интерес в деле либо представляющие интересы других лиц.

Фальсификация доказательств указанными лицами состоит, в частности, в совершении «умышленных действий по представлению ими соответственно должностному лицу, органу, осуществляющему производство по делу об административном правонарушении или по уголовному делу, либо суду в качестве доказательств заведомо поддельных предметов и документов»⁸.

В-третьих, даны детальные разъяснения объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 303 УК РФ, субъектом которого является должностное лицо, уполномоченное проводить оперативно-разыскные мероприятия. Под фальсификацией результатов оперативно-разыскной деятельности следует, в частности, понимать:

- 1) Внесение в документы, представляемые органу дознания, следователю, налоговому органу или в суд, «заведомо недостоверных сведений о результатах оперативно-разыскной деятельности», а именно, сведения относительно:

- проведения или непроведения того или иного оперативно-разыскного мероприятия;
- его участников;
- срока и порядка осуществления;
- выявленных признаков подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление.

- 2) Представление указанным органам «в качестве объектов, полученных при проведении оперативно-разыскных мероприятий, поддельных носителей информации или иных предметов»⁹.

⁷ Пункт 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 20 от 28 июня 2022 г.

⁸ Пункт 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 20 от 28 июня 2022 г.

⁹ Там же, пункт 15.

Непосредственное практическое значение имеет толкование в п. 19 постановления объективной стороны заведомо ложного доноса (ст. 306 УК РФ), равно как и рекомендации о квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных частью 2 или 3 статьи 303 УК РФ и статьей 299 либо статьей 300 УК РФ, действий должностного лица, который, на «основании сфальсифицированных им доказательств, привлекает заведомо невиновного к уголовной ответственности либо умышленно незаконно освобождает от уголовной ответственности лицо, подозреваемое или обвиняемое в совершении преступления» (п. 16 постановления).

Совокупность преступлений, предусмотренных статьями 306 и 307 УК РФ, также образует действия лица, давшего заведомо ложные показания по уголовному делу, возбужденному на основании совершенного им ранее заведомо ложного доноса (п. 22 постановления). В то же время, в ходе обсуждения Проекта практикующие юристы обращали внимание и на другие практически значимые вопросы, как отграничения составов преступлений против правосудия от иных смежных составов, так и квалификации по совокупности с преступлениями, предусмотренными главой 30 УК РФ, что, к сожалению, не нашло отражения в окончательной редакции постановления [1].

Несмотря на неоднозначную оценку, данную постановлению Пленума Верховного Суда РФ № 20 от 28 июня 2022 г. в процессе обсуждения соответствующего проекта, тем не менее, не стоит недооценивать его практическое значение. Обобщена судебная практика, переосмыслены некоторые прежние правовые позиции, конкретизировано содержание объективной стороны составов, диспозиции которых, в целом, бланкетных, не содержат указания на конкретные признаки деяния, что, несомненно, будет способствовать повышению качества правоприменительной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пленум ВС отправил на доработку проект постановления о преступлениях против правосудия. URL: <https://www.advagazeta.ru/novosti/plenium-vs-otpravil-na-dorabotku-proekt-postanovleniya-o-prestupleniyakh-protiv-pravosudiy>.
2. Преступления против правосудия / Под ред. А.В. Галаховой. М.: Норма, 2005. С. 416.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2010 // СПС Консультант Плюс.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) (9-е издание, переработанное и дополненное) / Под ред. Г.А. Есакова. М.: Проспект, 2021 // СПС Консультант Плюс.
5. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 24 декабря 2002 г. № КАС02-611 по жалобам адвокатов Пимкиной А.В., Акаева Р.А. и потерпевшей П. на приговор Верховного Суда Российской Федерации от 23 июля 2002 года // СПС Консультант Плюс.
6. Пилюшин И. Ответственность за заведомо незаконное заключение под стражу // Уголовное право. 2010. № 5. С. 63–66.
7. Байсалуева Э.Ф. Преступления против правосудия, совершаемые лицами, осуществляющими предварительное расследование: монография. Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2018. С. 146.
8. Морозов В.И., Иванова Л.В. Субъект заведомо незаконного содержания под стражу // Российский следователь. 2022. № 7. С. 51–55.
9. Амосов А.Е. Уголовная ответственность за незаконные заключение под стражу и содержание под стражей: проблема толкования законодательного текста // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 2. С. 211–218.
10. Проект постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/plenium-vs-razyasnil-praktiku-po-prestupleniyam-protiv-pravosud>.
11. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 9. С. 32.

Поступила в редакцию 28.02.2023

Кротова Любовь Анатольевна, кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
E-mail: Krotova_LA@mail.ru
Шаутаева Раузат Хасановна, старший преподаватель
E-mail: shautaeva@mail.ru

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 4)

L.A. Krotova, R.K. Shautaeva

CRIMES AGAINST JUSTICE: FIRST EXPERIENCE OF JUDICIAL PRACTICE

DOI: 10.35634/2412-9593-2023-33-3-508-515

Explanations of the Supreme Court of the Russian Federation concerning the indicia of the constituent element of the crimes provided for by Articles 301, 302, 303, 306, 307 of the Criminal Code of the Russian Federation are considered. It is noted that the legal basis for the interpretation of the objective side of the said crimes is the provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the Civil Procedure Code of the Russian Federation, Code of Administrative Proceedings of the Russian Federation and other federal laws. This concerns the compliance of the grounds, conditions and procedure for the application of measures of procedural coercion, the procedure for collecting, verifying, evaluating evidence, the powers of participants of legal proceedings.

The interpretation of grave consequences as a qualifying sign of illegal detention, confinement under guard or keeping under guard (Art. 301), falsification of evidence and results of operational-search activities (Art.303) is proposed.

For the first time in judicial practice series of subjects of illegal detention has been determined. Recommendations are given concerning cases of qualification of crimes against justice according to the rules of the aggregate of crimes; clarifications are given to other issues of the application of these criminal law norms.

Keywords: crimes against justice, illegal detention, confinement under guard or keeping under guard; compelling to give testimony; falsification of evidence; enunciation known to be false; testimony or opinion of expert and specialist known to be false or incorrect translation; positions of the Supreme Court of the Russian Federation, grounds for liability, qualification rules.

Received 28.02.2023

Krotova L.A., Candidate of law, Associate Professor at Department of criminal law and criminology

E-mail: Krotova_LA@mail.ru

Shautaeva R.K., senior lecturer at Department of criminal law and criminology

E-mail: shautaeva@mail.ru

Udmurt State University

Universitetskaya st., 1/4, Izhevsk, Russia, 426034